Слова и музыка Говарда Гринфилда и Кэрол Кинг. Эту песню, ставшую сейчас хитом в исполнении группы «А-ха», еще в 50-е годы пела группа «Братья Иверли».

CRYING IN THE RAIN

I'll never let you see
The way my broken heart is hurting me
I've got my pride and I know how to hide
All my sorrow and pain
I'll do my crying in the rain

If I wait for stormy skies
You won't know the rain from the tears in my eyes
You will never know that I still love you so
Only heartaches remain
I'll do my crying in the rain

Raindrops falling from heaven
Could never take away my misery
Since we're not together
I've prayed for stormy weather
To hide these tears I hope you will never see
Some day when my crying's done
I'm gonna wear a smile and walk in the sun
I maybe a fool but till then darling you'll
Never see me complain
I'll do my crying in the rain

Oh aah-ooh aah-ooh
Ooh-ooh ooh-ooh-ooh
Woo-ooh ooh-ooh-ooh

Since we're not together
I've prayed for stormy weather
To hide these tears I hope you will never see
Some day when my crying's done
I'm gonna wear a smile and walk in the sun
I maybe a fool but till then darling you'll
Never see me complain
I'll do my crying in the rain
I'll do my crying in the rain
I'll do my crying in the rain

Ooh-ooh

АКТЕР И ДЖЕНТЛЬМЕН

«Я, как все актеры, люблю свои фотографии. Это вообще странное чувство, когда переиграешь много ролей — кажется, что тебя самого и не существует. Поэтому, для подтверждения своего существования, актеры любят развешивать дома свои портреты. Это вовсе не от тщеславия. И еще я заметил, что мы любим собираться в одном месте, так во всем мире — у актеров есть свои рестораны, клубы. Мы смотрим там друг на друга и убеждаемся, что мы есть...

И знаете, какая моя самая любимая фотография? Я стою рядом с великим блюзовым певцом Джоном Ли Хукером за кулисами Карнеги-холла — Хукер сам пригласил меня на концерт. И вот я стою рядом с ним, и у меня на лице такая глупая довольная улыбка, как у двенадцатилетнего мальчишки. Я только что слушал, как он пел «Замены нет». Песня о том, что любовь невозможно заменить ничем, пел и плакал, этот семидесятидвухлетний человек — он прожил всю жизнь, и вот то, что он открыл: «Замены нет». В семьдесят два года плакать, когда поешь такое, не стыдно...»

Ричард Джир начинал на экране как «плохой парень», «бунтарь без причины» — кожаная куртка, ревущий мотоцикл, мускулистый торс, отработанный долгими занятиями гимнастикой в отрочестве. И, казалось, отроческая задиристость, неукротимость, агрессивность не оставят его никогда. Те, кто видел «Офицера и джентльмена», помнят этот образ: парень из неблагополучной семьи, решивший стать офицером, а офицер в Америке, как правило, из потомственных джентльменов. И, чужак в этом джентльменском мире, он побеждает, он входит в него, оставаясь при этом самим собой.

«Коттон-клуб», «Без пощады», «Власть» — эти и многие другие его фильмы, в которых актер представал «человеком на грани», человеком, жизнь которого, вопреки американской кинотрадиции, никак не может кончиться счастьем и покоем,— создали у зрителей образ Джира — вечно «плохого парня», а перемещаться в этом образе по жизни и становиться старше практически невозможно. И мало кто знал, например, что он был первым американским актером, приглашенным на сезон в престижный Лондонский Национальный театр, при этом — в постановку шекспировского «Укрощения строптивой». Мало кто знал, что он — великолепный музыкант, очень начитанный человек, великолепно знающий искусство — и очень щедрый. Щедрый молчаливо, а не ради рекламных кампаний (они с Робертом Де Ниро тихо и спокойно поддерживают больных СПИДом — не собирая средства, а отдавая свои).

И этот «провал во времени», когда из-за возраста Джир уже не мог, да и не хотел играть свои прежние роли, стал провалом в экранной карьере. Он читал и отбрасывал сценарии, и кончилось тем, что их ему перестали предлагать. А потом пришла «Красивая женщина» — современная сказка, о которой так много писали в последнее время. Открытием этого фильма стала Джулия Робертс (см. «Ровесник» № 10 за этот год), однако не меньшим открытием был и образ, сыгранный Джиром — сдержанный, возмужалый принц из сказки, казалось бы, классический преуспевающий господин, мечта жаждущих покоя женщин. Но выбор именно Джира на эту роль говорил американскому зрителю о том, что в этих спокойных джентльменах не все так просто: достаточно вспомнить сцену, предшествующую любовной, когда герой уходит в опустелый ресторан, чтобы играть на фортепиано. Вроде бы — как элегантно, еще одна черточка в сладкий портрет, однако игра его полна внутренней, с трудом сдерживаемой страсти (кстати, Джир играл тогда свою собственную пьесу).

«Эта роль стала для меня очередной опасностью — мне грозит новый стереотип. Хотя и вправду я стал теперь куда спокойнее... Только это другое спокойствие, не благопристойность, которой от меня ждут. Как-то раз, когда я медитировал (надо сказать, что Джир — новообращенный буддист, и очень серьезно относится к своему обращению.— П. В.), мне представился длинный ряд стоявших за моей спиной предков. Они стояли в одну линию, мужчины моего рода, и линия эта уходила за горизонт. И я был их суммой, их результатом, я знал, что если мне удастся усовершенствовать себя, изгнать из себя их чувство вины и их страдания и оставить в себе только всю накопленную ими любовь — тогда я освобожу и тех, кто предшествовал мне. И тогда и к ним, и ко мне придет настоящий покой и я смогу отдать это чувство зрителям».

П. ВАГИНА